

УДК 316

DOI: 10.17223/1998863X/37/21

Н.А. Иванова

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ПЕРСПЕКТИВЕ ПРАКТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА

Рассматриваются различные формы практического поворота в социальной теории посредством выявления их исходных мотивов, способов аргументации, а также последствий для социальной науки. Утверждается, что практическая перспектива анализа социальной реальности предполагает: отказ трактовать социальную практику как вторичный эффект, истоки которого лежат в иных сферах; расширение и переопределение категориального аппарата социальной теории, что позволяет говорить не только о поиске релевантного языка описания, но и о создании новой онтологии социального; признание материального характера социальной реальности.

Ключевые слова: практика, практический поворот, социальная реальность, социальная теория.

В силу невозможности фронтального анализа всего разнообразия проявлений практического поворота в рамках отдельной статьи автор предлагает рассмотрение тех его форм, которые позволят не только обнаружить общие интенции, но и показать различия как в мотивах обращения и способах аргументации, так и в последствиях для анализа социальной реальности.

Классическая социальная теория рассматривала общество как диссоциацию различных элементов, представленную, с одной стороны, индивидуализмом субъективных действий и объективными институциональными нормами и структурами – с другой. Понимаемая таким образом идея общества выступала средством легитимации дистанции между действиями субъектов и безличными институциональными механизмами. Одновременно представленная разными направлениями классическая социология осуществляла поиск возможных конфигураций между действиями и структурой. В этом отношении практическая перспектива предстает одновременно как средство преодоления указанной диссоциации, так как опирается на терминологический аппарат классической социологии, и как новая парадигма исследований, так как, осуществляя деструкцию понятия общества, предлагает новый язык описания и новую онтологию социального.

В качестве предварительного определения практический поворот может быть обозначен как отказ от установки, согласно которой ментальные процессы направляют человеческие действия. Поэтому первое, на что указывают представители практической перспективы анализа социальной реальности, – это переоценка роли сознания в анализе социальных действий. Второе, на что обращают внимание теоретики праксиса, – это сам процесс исполнения социальных действий, обусловленный как активностью субъекта, так и социальными структурами, находящимися друг с другом в отношении диалектической взаимосвязи. Утверждается, что социальные явления нельзя однозначно

отнести ни к социальным действиям, ни к социальным структурам или системам, но можно описать как социальные практики.

В философии практическую парадигму принято связывать как с прагматизмом, в котором действие выступает в качестве методологического принципа, так и с различием аспекта действия (прагматики) от сферы знаков и значений, предложенным Ч. Моррисом. Представители практического поворота в социальной теории чаще всего ссылаются на Л. Витгенштейна, для которого социальный порядок в большей степени связан со способностями и умениями, чем с ментальными состояниями. Практическая парадигма, как ее определяет Е.В. Борисов, опираясь на анализ работ Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера, характеризуется тематизацией практики в качестве носителя трансцендентных структур [1. С. 38]. Следует согласиться с тем, что практический аспект является неотъемлемой частью любой концепции, и в случае, когда практика трактуется как вторичный эффект, причина которого лежит в иных сферах (мышлении, бессознательном, социальных традициях и институтах), и в случае признания ее нередуцируемости [2. С. 19]. Последнее как раз и составляет суть практического поворота, представленного достаточно разветвленной системой аргументаций.

Среди представителей социальной теории, чьи воззрения, на наш взгляд, внесли существенный вклад в формирование практической перспективы анализа социальной реальности, следует отметить А. Гелена. В работах одного из крупнейших представителей философской антропологии и одновременно редактора первого немецкого послевоенного учебника по социологии присутствует ярко выраженный критический пафос в отношении метафизической традиции различать душу и тело. Исходной точкой построения науки о человеке выступает признание его действенной природы. При этом сам процесс действия не предполагает «никакого различия или различимости «внутреннего» и «внешнего», психического и физического» [3. С. 160]. Опираясь на психофизически нейтральные понятия «действие», «сообщество» и «культура», немецкий теоретик полагает, что культура – это система привычек и ритуалов, специализация которых приводит к формированию определенных сфер деятельности. Процессы хабитуализации и институализации совпадают, касается ли это языка или культа мертвых, словесного творчества или изобразительного искусства. Нетождественность привычки целерациональному поведению позволяет А. Гелену утверждать, что основой социальных институтов являются нерациональные мотивы. Так, изначально основу разделения труда составляют не экономические интересы, а ритуалы, подобно тому, как создание образцов, а не мотив самовыражения составляет основу искусства. Кризис современной цивилизации, по мнению Гелена, связан с разрушением существующих порядков, их тотальной изменчивостью и крушением всех институтов. Эмансипация традиций и институтов, провозглашаемая «новыми левыми», рассматривается им как причина конца истории – постистории. Оцениваемые в свое время как консервативные критика А. Геленом разных форм раскрепощения и революций, а также призывы к сохранению традиционных институтов и традиций, предполагающие ответственность и аскезу, звучат сегодня как никогда актуально. В целом же, исходный тезис о том, что способность к действию, переплетение внешнего и

внутреннего составляют основу всех свершений человека, обеспечивает практический ракурс как антропологических, так и социальных воззрений А. Гелена.

Значительный, но до настоящего времени недооцененный вклад в формирование практической перспективы анализа общественной жизни принадлежит работе «Человеческая ситуация» Х. Аренд, в которой посредством идеи «*vita active*» осуществляется критика ряда взаимосвязанных установок. Речь идет об аристотелевской традиции отождествлять человеческую жизнь исключительно с деятельностью, свободной от труда и жизненной необходимости, и о господствующей вплоть до Нового времени установке противопоставлять деятельную жизнь созерцанию, наделяя ее негативными значениями, опираясь на аргумент, согласно которому ничто человеческое не способно тягаться с вечностью и покоем. Итоговым результатом чего, как полагает Х. Аренд, является стирание многообразия и различий внутри жизни активной, а также редукция жизни к единой и неизменной форме [4]. В противоположность Аристотелю, который исключает из идеи жизни рабский труд, зависимый от нужды и воли господина, а также различные ремесла и направленную на прибыль торговлю и выделяет такие формы жизни, как искусство, политика и философия, Х. Аренд расширяет идею активной жизни, включая в нее труд, созидание и действие. Трудовая деятельность или работа обусловлена биологическими процессами человеческой телесности и обеспечивает сохранение человеческой жизни. Созидание или изготовление порождает мир искусственных вещей, которые не столько умножают мир природы, сколько ей противостоят, так как, будучи независимыми от смертных, гарантируют постоянство и устойчивость человеческой жизни. Действие или поступок отличается от предыдущих форм активности тем, что может разворачиваться без посредничества вещей, так как реализуется между людьми и является условием исторической преемственности. Тем самым преодолевается редукция жизни к единой неизменной форме и признается многообразие и различия внутри жизни активной. Именно действие и поступок как одна из форм активной жизни становятся предметом специального анализа в комментирующей литературе, что создает впечатление возврата к античной традиции, ориентированной на освободительный потенциал мышления и нивелирующей другие формы «*vita active*».

Представляется, что практическая перспектива анализа нацистских фабрик смерти как лабораторий, в которых не только ставились частные (медицинские) и широкомасштабные (лишение людей всех прав) эксперименты, но и выращивались кадры, освобожденные от человеческих установок и способные к эффективному управлению человеческими ресурсами, позволила Х. Аренд выработать концепцию тоталитаризма как режима, требующего непрерывной мобилизации, а следовательно, отказаться от его трактовки как социального института, с одной стороны, и как результата действий харизматического лидера или бюрократии – с другой.

Опровергая распространенное толкование воззрений М. Фуко как исследования дискурса, Х. Шефер полагает, что основной темой работ Фуко является не текст, а практика [5. С. 34]. В праксеологической перспективе дискурс – это практики, воспроизводящие материальность, основанные на неявном,

телесном укорененном знании. Эта связь слов и дел, которая, в результате аналитической работы очищения, предстает как противостояние речевой деятельности и поведения, в действительности не имеет «первопричины», а следовательно, не может быть описана в логике каузальных связей. Практиеологическую перспективу в наиболее явном виде М. Фуко демонстрирует при исследовании «техник работы над собой», таких как «практики здоровья», «матримониальные практики», «дисциплинарные практики», «практики обмена» и др. Истории безумия, клиники, наказания интересуют французского исследователя не сами по себе, а как проблематизация современных социальных практик, представляющихся современному человеку как очевидные. Исследование социального конструирования позволяет продемонстрировать, что этот процесс одновременно является активным и пассивным, сознательным и бессознательным. Это форма соучастия, несводимая ни к пассивному подчинению, ни к абсолютной свободе. Сам факт того, что в реальной жизни М. Фуко занимал активную социальную позицию, свидетельствует, что практическая перспектива анализа социальной реальности способна иметь перформативный эффект, посредством участия субъективности в создании новых жизненных форм.

Безусловно, наиболее известной формой практического поворота следует считать теорию практики П. Бурдьё, оценки которой варьируются от убеждения в том, что им открыт новый способ видения социального мира, до классификации его воззрений как идеологии и научной мифологии. Сам французский исследователь отмечает, что предложенный им понятийный аппарат, рассмотренный как результат концептуальной работы, может производить впечатление схоластики. Однако в действительности его предназначение – стать программой поиска и средством преодоления ряда ошибок и ложных оппозиций [6. С. 37]. В первую очередь между структуралистским и марксистским подходами, имеющими цель зафиксировать объективные отношения, не зависящие от воли и сознания субъектов, и феноменологическим, интеракционистским, этнометодологическим подходами, направленными на обнаружение субъективного опыта, вносящего вклад в создание мыслительных конструкций и социальной реальности. Неопределенность ключевых понятий теории практики, таких как «поле», «габитус», «интерес», «стратегии», является неотъемлемым свойством любого подхода, позволяющего думать по-новому и выявлять ранее не замечаемое, что указывает на процесс становления нового взгляда, отличающегося от уже сложившихся объяснительных схем, предназначенных скорее для комментирования, чем для проведения конкретных исследований. Именно поэтому П. Бурдьё указывает на сложности в попытках дать позитивные определения практики, обусловленные традицией бинарного мышления, склонного противопоставлять сознание и навыки и отражающего позицию господствующего класса, выступающего монополистом сложившегося дискурса. В практике исполнение следования правилу и теория образуют диалектическое единство, разрушаемое посредством дискурсивного анализа. В этом отношении, как было сказано выше, П. Бурдьё намеренно стремится дистанцироваться от желания сделать свои суждения простыми и понятными, соотнозирующимися со здравым смыслом,

так как основное предназначение подлинного исследования – не быть понятным всем, а обеспечивать адекватное рассмотрение проблем.

Конструктивистский структурализм или структуралистский конструктивизм, лежащий в основании теории практики П. Бурдьё, сочетается с явно выраженным интересом к материальным условиям социального производства, позволяющего отказаться от иллюзии свободы символического воображения. Социальная реальность имеет телесное измерение, проявляющееся в практике потребления пищи и физического досуга, описанных в работе «Различия» и проиллюстрированных манерой одеваться и внешней конституцией М. Хайдеггера и Э. Кассирера в «Политической онтологии Мартина Хайдеггера». Практическая перспектива – это не только новый язык описания и объяснения, но действующий инструмент исследований, направленный на выявление онтологической и неоднозначной взаимосвязи между действиями агентов и системой, смыслами и позициями. Социальная реальность предстает как совокупность практик, в которых участвующие в них агенты руководствуются не внешними правилами и расчетом, а стратегиями, порождающие принципы которых надлежит объяснить социальной науке, описав реальный баланс свободы и предписаний, обеспечивающий воспроизводство и трансформацию социального мира. Анализ социальной реальности, инициируемый П. Бурдьё, таким образом, выступает условием одновременно критического и ответственного мышления, осознающего собственную практическую перспективу и гарантирующего освободительный эффект социальной теории в целом.

В теории структуризации Э. Гидденса практический способ репрезентации общественной жизни проявляется в идее первичности социальных практик по отношению к социальным системам и критике представления об активном, деятельном и одновременно рефлексивном характере человеческого поведения [7]. В результате чего социальная жизнь предстает как ситуированное в пространстве и времени переплетение практик, под которыми понимаются рутинизированные, привычные действия, выступающие источником социального порядка, имеющие до-рефлексивный характер, основанные на релевантных схемах восприятия и оценивания и с необходимостью включающие в себя властные отношения. Одновременно идея практики, не тождественная ситуации лицом-к-лицу, в аналитическом плане представляет собой единство четырех элементов: материальных и властных ресурсов, моральных и процедурных правил. Однако сами участники социальных практик редко различают указанные элементы. Более того, рефлексивный анализ способен разрушить их нормальное протекание и воспроизводство. Отказ от установки на обнаружение неизменной последовательности общественного развития и универсальных законов человеческого поведения обеспечивает рассмотрение социальной реальности как исторической трансформации правил и ресурсов, вовлеченных в процесс социального воспроизводства.

Одной из разновидностей практической перспективы в анализе социальной реальности следует считать социологию социального существования П. Штомпки [8]. Эта третья социология, сменяющая первую, ориентированную на аналитику социального организма и социальных систем, и вторую, изучающую поведение и действия, направлена на исследование социальных

событий (социальной экзистенции) – человеческих действий в коллективных контекстах, ограниченных, с одной стороны, активностью участников, с другой – структурной средой. В качестве центрального понятия третьей социологии П. Штомпка предлагает концепт социальной экзистенции, определяя его как учреждаемый социальными практиками процесс социального становления. Идея социальной экзистенции призвана преодолеть как веру в индивидуальную автономию, представленную свободными формами действий, так и убеждение в существовании невидимых сил законов, принципов и правил. Качественная методология в форме наблюдения и глубинных интервью выступает одним из основных способов познания социальной экзистенции, обеспечивая новый угол зрения на социальную реальность.

Практическая перспектива анализа общества представлена в работах М. Арчер, которая стремится не столько пройти между Сциллой индивидуализма и Харибдой холизма, реализовав общую установку современной социальной теории к центральному сращиванию (конфляционизму), сколько создать такую модель социального действия, которая позволила бы, прежде всего, объяснить эмерджентный характер социальной реальности (временное изменение социальной жизни) [9]. Полагая, что простой эклектический путь систематизации социальных действий и структур ни к чему не приводит, М. Арчер считает необходимым, во-первых, введение ряда опосредующих транзитивных объектов-понятий, дающих возможность объяснить, каким образом социальные структуры вторгаются в деятельность социальных агентов и как на эту структурную обусловленность реагируют сами социальные агенты, трансформируя и воспроизводя, в свою очередь, социальные структуры. Во-вторых, обнаружение нетранзитивных реальных посредников (представленных не механизмами, а местом контакта структуры и действия), обеспечивающих процессы социального морфогенеза и морфостазиса. Наиболее адекватное решение этой задачи в теоретическом плане М. Арчер обнаруживает у Р. Бхаскара, который в рамках построения онтологии социальной реальности вводит идею «позиция-практика», обозначающую не столько пассивные принятие и исполнение роли, соответствующие нормативным ожиданиям, сколько сложившуюся в результате выбора и стечения обстоятельств систему диспозиций. Представляется, что содержательным аналогом предложенного английскими исследователями понятия «позиция-практика» выступает концепт «габитус» П. Бурдьё, являющийся, как известно, средством обнаружения подобных «прорезей». Подобную перспективу анализа социальной реальности сам Р. Бхаскара называет умеренно натуралистической (реалистской), признающей, что в отличие от природных структур социальные структуры не существуют вне деятельности субъектов и их понимания деятелями и обладают лишь относительной устойчивостью [10. С. 38]. Подчеркнем, что в данном случае речь не идет о диалектической взаимосвязи действующих людей и социальных структур, скорее следует говорить о двух сторонах одного и того же процесса.

Следует отметить, что в отечественной социологии практический поворот в анализе социальной реальности оценивается неоднозначно. Так, отсутствием эмпирически доказуемой прямой каузальной связи («психофизического» закона) между мотивами (убеждениями и желаниями) и поступками дейст-

вующего объясняет возникновение различных теорий практической рациональности И.Ф. Девятко [11. С. 276]. Однако практическая перспектива подвергается критике в связи с превращением концепта практики во всеохватывающее понятие с неопределенным терминологическим статусом и его отождествлением с унаследованным неосознаваемым фоном. Со ссылкой на работы С. Тернера И.Ф. Девятко указывает, что при таком понимании данный концепт противостоит идее практики, предложенной в неомарксистской традиции, как живой деятельности или воплощенного практического знания, которую невозможно редуцировать к теории. Интересно, что подобная концептуализация практики при анализе социальной реальности остается за пределами исследований российского социолога, что само по себе является некоторым противоречием, так как игнорируются иные трактовки социальных практик, путем сведения их к определенному, описанному выше, значению. Одновременно отечественным социологом признается, что практики как приобретенные и сформированные навыки, являющиеся результатом научения, образуют основу общественной жизни. В этом отношении значимый вклад в практическую перспективу анализа социальной реальности способна внести теория социального научения А. Бандуры, утверждающая непрерывное реципрокное взаимодействие между личностными, поведенческими и внешними детерминантами [12. С. 265]. В теории социального научения важным является принцип реципрокного детерминизма или динамичного взаимодействия, позволяющий отказаться от причинного объяснения, так как процесс научения является непрерывным и осуществляется посредством наблюдения. Практической данная перспектива, получившая название «социальная когнитивная теория», является благодаря тому, что в ней взаимодействие между внешними (ситуационными) и внутренними (индивидуальными) факторами выступает источником саморегуляции человеческого поведения.

Подводя итог, следует ответить на вопрос: имеют ли различные формы практического поворота социальной теории конвергентный эффект, позволяющий говорить, что накопленные теоретические обобщения дают результаты, к которым невозможно прийти с помощью классической социальной теории? На наш взгляд, ответ будет утвердительным. Прежде всего, практическая перспектива предполагает отказ трактовать социальное действие как вторичный эффект, истоки которого лежат в иных сферах (сознательном или бессознательном, субъективных действиях или социальных структурах). Для практического поворота социальной науки характерно расширение и переопределение понятийного словаря, что позволяет говорить об обновлении категориального аппарата социальной теории и свидетельствует не только о поиске релевантного языка описания, но и о создании новой онтологии социального. Еще одним аспектом практической перспективы является признание материальности социальной реальности, проявляющейся как в телесном характере действий и структур, что позволяет их наблюдать, так и во включенности в социальные практики предметов физического мира. Понимаемая таким образом социальная реальность требует комплексного анализа, рассмотрения со-

циальных феноменов во всей неоднозначности и сложности, отказа от универсальных и одновременно односторонних объяснительных схем.

Литература

1. Борисов Е.В. Прагматическая теория значения у Витгенштейна и Хайдеггера // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 320. С. 38–44.
2. Гетманн К.Ф. От сознания к действию // Логос. 1993. № 1 (11). С. 19–45.
3. Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 152–201.
4. Аренд Х. Vita active, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
5. Шефер Х. Микрофизика практики – инстанция дискурсивной стабильности и нестабильности по Мишелю Фуко // Социальные и гуманитарные наук. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал. 2011. № 1. С. 29–35.
6. Бурдьё П. Оппозиции современной социологии // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 36–50.
7. Гидденс Э. Устроение общества: Очерки теории структуризации. М.: Академический проект, 2003. 528 с.
8. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 3–13.
9. Арчер М. Реализм и морфогенез // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 50–68.
10. Фигура А.О. Онтологические основания социальной реальности в концепции трансцендентального реализма Р. Бхаскара // Вестник Омского университета. 2012. № 1. С. 35–39.
11. Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванта плюс, 2003. 336 с.
12. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.

Ivanova Natalya A. Novokuznetsk institute (branch) of Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)/

E-mail: ivanova-nkfi@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/37/21

SOCIAL REALITY IN THE PERSPECTIVE OF PRACTICAL TURN.

Keywords: *practical turn, social practice, social reality, social theory*

The article presents different forms of practical turn in social theory by identifying their initial motives, methods of argumentation, and the implications for social science. It is shown that a significant contribution to the formation of a practical perspective of social reality analysis was made by the works of A. Gehlen, H. Arendt, M. Foucault, P. Bourdieu, A. Giddens, P. Szotomпка, M. Archer. The criticism of practical turn is specially researched. The author asks the question whether different forms of practical turn in social theory have a convergent effect, allowing to say that the accumulated theoretical generalizations have results which are impossible to get by classical social theory. The answer is that the practical perspective of social reality analysis suggests the refusal to interpret social practice as a secondary effect, the origins of which lie in other areas (conscious or unconscious, subjective actions or social structures). The practical turn is characterized by the expansion and redefinition of conceptual dictionary of social science, that's saying about the renewal of the categorical framework of social theory and indicate not only about a search for the relevant language of social reality description, but also the creation of new ontology of the social. Another aspect of the practical perspective is the recognition of the materiality of social reality, which appears in the corporeal nature of social actions and structures, allowing to observe them, and in the involvement of subjects of the physical world in social practices.

References

1. Borisov, E.V. (2009) Pragmatic theory of meaning in Wittgenstein and Heidegger. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 320. pp. 38–44. (In Russian).

2. Getmann, K.F. (1993) Ot soznaniya k deystviyu [From consciousness to action]. *Logos*. 1(11). pp. 19–45.
3. Gelen, A. (1988) O sistematike antropologii [On the systematics of anthropology]. In: Popov, Yu.N. (ed.) *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii* [The Problem of Man in Western Philosophy]. Moscow: Progress. pp. 152–201.
4. Arend, H. (2000) *Vita active, ili O deyatel'noy zhizni* [Vita active, or active life]. Translated from German and English by V. Bibikhin. St. Petersburg: Aleteyya.
5. Schaefer, H. (2011) Mikrofizika praktiki – instantsiya diskursivnoy stabil'nosti i nestabil'nosti po Mishelyu Fuko [Microphysics of practice – the instance of discursive stability and instability by Michel Foucault]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sotsiologiya*. 1. pp. 29–35.
6. Bourdieu, P. (1996) Oppozitsii sovremennoy sotsiologii [Opposition to modern sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 5. pp. 36–50.
7. Giddens, A. (2003) *Ustroenie obshchestva: Ocherki teorii strukturatsii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. Translated from English by I. Tyurina. Moscow: Akademicheskiiy projekt.
8. Shtompka, P. (2008) V fokuse vnimaniya povsednevnyaya zhizn'. Novyy povorot v sotsiologii [The focus of attention is everyday life. A New Turn in Sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 8. pp. 3–13.
9. Archer, M. (1994) Realizm i morfogenez [Realism and morphogenesis]. *Sotsiologicheskiiy zhurnal*. 4. pp. 50–68.
10. Figura, A.O. (2012) Ontologicheskie osnovaniya sotsial'noy real'nosti v kontseptsii transtsendental'nogo realizma R. Bkhaskara [Ontological foundations of social reality in the concept of transcendental realism by R. Bhaskar]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 1. pp. 35–39.
11. Devyatko, I.F. (2003) *Sotsiologicheskie teorii deyatel'nosti i prakticheskoy ratsional'nosti* [Sociological theories of activity and practical rationality]. Moscow: Avanta plus.
12. Bandura, A. (2000) *Teoriya sotsial'nogo naucheniya* [The theory of social learning]. Translated from English by N. Chubar. St. Petersburg: Evraziya.